

К ВОПРОСУ О РЕЧЕВОЙ ПРИРОДЕ СТРУКТУРЫ VØN ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

This article deals with the delocutive structure VØN in the French language. Being a premorphologic unity in the system of the language, it proves to refer to the speech activity of the subject.

Общественная значимость языка для совместной деятельности людей является предметом коммуникативно-прагматического языкознания. За последние десятилетия исследование языка уступило место его изучению как одного из компонентов общественной практики людей, их деятельности, направленной на совместное постижение и преобразование мира. Язык не просто функционирует, он используется людьми для организации взаимодействия между индивидами и группами индивидов, обеспечивая протекание деятельностно-эмотивных процессов и обмен информацией в той степени, в какой на этом этапе специализированы в результате длительной эволюции человека языковые средства. При коммуникативно-прагматическом подходе лингвиста интересуют корреляции между структурой языковых образований и структурой прагматического контекста, что ставит в центр исследования основную категорию прагматики – говорящего субъекта.

Структура VØN может быть определена как единица языка, находящаяся на периферии стратификационных уровней системы – морфологии и синтаксиса, и которая «выпадает» из системных синтаксических единиц. Вместе с тем она становится центральной прагмаграмматической единицей (единицей прагмасинтаксиса), реализующей аутореференцию говорящего субъекта. Неоднозначность интерпретации их функциональных характеристик, внешняя аномальность – отсутствие артикля не являются отступлением от норм употребления, а связаны с вполне явными системными и речевыми закономерностями. Поэтому мы предлагаем рассматривать VØN как речевые, т. е. делокутивные, структуры.

Понятие устойчивости компонентов какой-либо структуры указывает на универсальность употребления одних и тех же языковых знаков в высказывании различными субъектами речи. Другими словами, архаичные (устойчивые) структуры типа *avoir raison* не являются фактом единичного употребления или авторского приема. Такая универсальность исключает произвольность выбора форм составляющих (за исключением временных), т. е. не предоставляет свободы субъекту речи. В данном случае понимание «регламентированная последовательность слов» тождественно содержанию термина «неподвижно расположенные» («*juxtaposés immuables*») [1]. Следует заметить, что структуры архаического типа *donner raison* не допускают конверсивного употребления компонентов в страдательном залоге в отличие от структуры *donner ordre*. Проведенные ранее исследования показали, например, что структуры, содержащие такие глаголы как *tenir* являются сочетанием единиц с минимальной спаянностью.

Между тем условия возникновения обоих типов модели VØN: архаического и продуктивного – оказываются идентичными. Поэтому термин «устойчивое глагольное речение» («*locution verbale figée*») используется многими лингвистами для описания структуры *donner ordre* и *donner raison*. Сам термин «оборот речи, речение» (“*locution*”) свидетельствует об определенной двусмысленности его толкования: термин, этимологически указывая на сферу существования обозначаемой им единицы (ср.: оборот речи, речение), соотносит ее с устоявшейся терминологической традицией, классификацией этой единицы как *expression figée, groupe de mots figé*.

Однако как и при любом процессе порождения инноваций, структура VØN берет начало с собственно «речений». Действительно, *locution* этимологически происходит от латинского «*locutio*» – я изрекаю, т. е. высказываюсь вслух. Переход из речи в язык, как известно, осуществляется на основании зарегистрированных, постоянных, регулярных

употреблений в одном и том же структурно-лексическом комплексе «*spécimens suffisamment nombreux*» [2], которые, в свою очередь, в дальнейшем становятся общепотребительными и общепринятыми. А. Бликенберг устанавливает трехступенчатую иерархию: свободный синтаксис, устойчивый синтаксис, лексика. Поэтому термин «*locution figée*» в данном случае подразумевает заключительный этап формирования единиц, стабильно функционирующих в системе языка. Однако дублиеты *connaître* и *avoir connaissance*, *figurer* / *faire figure*, *témoigner* / *porter témoignage* различаются по конструкции, смыслу и употреблению. Мы предполагаем, что структуры *donner raison* и *donner ordre* относятся к разным стадиям формирования языковых единиц. Границы между ними в достаточной мере неустойчивы, как часто это наблюдается при соприкосновении границ прошлого и настоящего, между тем, что уже зафиксировано в языке или может быть зафиксированным в силу своего частого употребления в речи.¹ Некоторые лингвисты предлагают даже структуру типа *avoir besoin de* считать неокончательно застывшей, поскольку она допускает различного рода включения «*avoir le plus pressant besoin de*» и перемещения «*le besoin qu'il avait toujours eu de*». Нарушение устойчивости глагольного образования, подчеркивающее его тенденцию к синтагматическому выражению номинальной идеи, часто происходит за счет вклинивания артиклей. Такое семантико-синтаксическое разобщение компонентов приводит к созданию четырехчленной парадигмы:

(1) Un éventail qui **pose question** au moment du choix: pas une raison pour en abuser, comme on dit-on en sous-titre;

(2) Il faut que je vous **pose une question**;

(3) M. Hédésippe, de retour à Paris, **pose la question** à M. Jean Chenevier ;

(4) Presque tous les gens **posent des questions** lassantes.

Поэтому устойчивость анализируемых структур не отвечает традиционной интерпретации. Иначе говоря, так называемая устойчивость структур *réclamer justice*, ***imposer silence*** не может рассматриваться как результат языкового процесса трансформации синтагмы со свободными элементами в синтагму с неразобщаемыми элементами.

Речь как исходная среда формирования структур *VØN* отражается не только в механизме их появления, когда наблюдается высокая частотность употребления одной и той же последовательности слов в речи. Следует заметить, что существует достаточное количество слов или словосочетаний, так называемых формульных речений, лексически устойчивых единиц со значением стимулирования, побуждения к действию, графически обозначаемых как *ØN!* Например, *Amen!* *Victoire!* *Silence!* Таким образом, формульные речения обозначают конкретную речевую ситуацию. В их составе также обнаруживается безартиклевая форма имени, которая сохраняет нулевую детерминацию при употреблении в сочетаниях с глаголом. Например, *crier victoire*, *dire amen*, *faire silence*.

Таким образом, благодаря наличию безартиклевого имени, структура отождествляется с прагматическим фактором, получившим название «момент речи» (*l'Instant du loquor*). Как справедливо замечает А. Жакоб, *Ø* наряду с местоимениями является «атомом времени», например, если артикль *un* показывает движение вперед (*un provisionnel*), проспекцию, а *le* – движение назад (*le révisionnel*), ретроспекцию, то *Ø* закрепляет сам момент речи, т. е. момент оперативного движения, непосредственного порождения высказывания, символически обозначенного *Je* [3]. Согласно Ж.-Кл. Анскомбру, для глагольных сочетаний деривационной базой прежде всего оказывается не имя в его первичной семантике, а речевая формула [4]. Подобная метафоризация языковых структур допустима благодаря функции прагматического переноса, когда актуализация буквального значения в

¹ При этом остается открытым вопрос, следует ли ограничить деривацию синхронными или диахроническими рамками; скорее всего, она относится к обоим аспектам.

конкретном контексте является исходным пунктом переноса.

Э. Бенвенист справедливо отмечает, что исходная единица – формула Х! требует произнесения вслух, т. е. акта говорения [5], иными словами реческазывания, локуции. Отсюда и термин делокутив², которым обозначают *единицу, производную не только от речения, но и от локуции*. Для именного компонента исследуемых структур прототипической, исходной, будет коммуникативная сема «parole». Ср.: «parole» и «mots».

Языковые формы, выражающие «локуционное», «сказывательное» значение, включают падежные признаки, отношения переходности, число и денотацию лексических единиц. К ним мы относим и детерминацию именного компонента. Поскольку нулевой артикль обладает такой спецификой: значимое отсутствие артикля показывает отсутствие необходимости детерминировать факт экстралингвистической действительности, который уже сам детерминирован моментом речи, локуцией. Таким образом, безартиклевая форма именного компонента структуры VØN имеет статус коммуникативно-производной, иными словами коммуникативно-обусловленной, единицы.

Вместе с тем Э. Бенвенист указывал лишь на формальную связь формульного речения и деривата, например глагола, им мотивированного. Делокутив наследует от производящей основы не глубинное содержание, т. е. коммуникативное наполнение, а поверхностную, внешнюю форму: *Le délocutif se définit non par le contenu intentionnel, mais par la relation formelle entre une locution et un verbe dénotant l'énoncé de cette locution* [5].

Однако само формульное речение содержит в своей семантике призыв, побуждение к действию, т. е. намерение заставить совершить действие. Следует заметить, что в основе каждого речепроизводства лежит *интенция* субъекта речи (à l'intention de l'interlocuteur), т. е. желание, для реализации которого будут предприняты определенные шаги. Это объясняется следующим фактом. Любое действие можно охарактеризовать с точки зрения его интенциональности, отражающей установку агента на достижение определенного качества или результата. Таким образом, говорение – интенционально, а участие в воспроизводстве языка как целого – непреднамеренно.

Между тем интенция есть субъективная характеристика субъекта речи. *Ce qui est nommé ici le «facteur subjectif» est la prise en compte de l'intention de communication du locuteur* [6]. Таким образом, безартиклевое имя делокутивной структуры отражает субъективный аспект речевой деятельности субъекта, в то время как артиклевое имя обозначает объективный факт, принадлежащий личному пространству субъекта речи. Таким образом, стол (la table), решение задачи (la décision) – это все материально существующие объекты, а justice! (справедливость!), наоборот, характеризуется идеальной экзистенцией в установках, намерениях говорящего.

В отличие от Э. Бенвениста, выделившего в делокутивах только момент сказывания вслух, Ж.-Кл. Анскомбр приходит к выводу, что диахроническое развитие речений заканчивается возникновением интенционально ориентированной семантики единицы.

Именно интенция как стимул к совершению действия позволяет включить VØN в класс делокутивов, в отличие от других семантических разрядов производных слов, содержащих указание на акциональность, – деноминативов и девербативов [4]. Таким образом, сказывание слова *défense* (запрет) не интенционально само по себе, но *défense d'entrer!* предусматривает регуляцию поведения коммуниканта в ходе речевого общения.

Однако в число рассматриваемых структур до сих пор не включали единицы, передающие значение **жестовой коммуникации**. Например, *faire silence, faire salut*. Взаимодействие в коммуникативной ситуации предполагает достаточное разнообразие в формах,

² Под термином «делокутив» прежде всего подразумеваются глаголы, мотивированные фактом конкретного акта говорения: «De ce fait même, les délocutifs seront surtout, au moment où ils sont créés, des verbes dénotant des activités de discours». При таком подходе лингвисты исследуют глагол, соотнесенный с формульным речением, от которого он происходит: *bisser-bis!*

например, начиная от классического различия в устной и письменной формах и заканчивая всевозможными бессловесными способами общения. В связи с этим коммуникация рассматривается не только как голосовое общение, т. е. словесное, но и, прежде всего, знаковая «передача информации на расстоянии» различными способами. Заметим, что в живом общении субъект речи маркируется всевозможными невербальными составляющими речевого акта: жестами, мимикой, отношением к собеседникам. Эти средства общения оказываются иногда самодостаточными для осуществления определенного взаимодействия и взаимопонимания; поэтому мимика и пантомима являются своеобразным языком, передающим мысли на расстоянии.

Мимика и жест, являясь постоянными спутниками всяких реакций человека, оказываются постоянным и могучим сообщающим средством. Между тем именно интенция знака *salut!* разграничивает речевое приветствие и произвольный взмах рукой, т. е. предопределяет целевое назначение невербального физического действия как косвенного делокутива типа *d'un geste (il fait salut, impose silence)*. Итак, среди форм общения выделяют не только голосовую коммуникацию, но и бессловесную, а соответственно непосредственные и косвенные делокутивы. Последний тип определяется как косвенный ввиду того, что среди языковых единиц он представлен с помощью метаязыкового глагола (*faive*).

Однако именной компонент некоторых изучаемых структур позволяет выделить в речевом акте не только социальное коммуникативное действие, но и **ментальное**, относящееся к сфере речи, к одной из ее форм – внутренней.³

В качестве актов рассуждения, анализа и абстрагирования структуры вида *faire réflexion, donner résolution, faire abstraction* относятся не к физическим поступкам человека, а к умственным. Ментальные действия по построению доказательства *faire démonstration* вписываются не в социальное поведение участника общения, а в его когнитивный процесс. Высказывание, сообщающее о ментальном акте типа *Je fais réflexion*, представляет ситуацию, способную метаимплицировать, т. е. указать на соответствующее психическое состояние субъекта. Ср.: «*j'obtiens satisfaction*» (субъект испытывает удовлетворение).

Релевантность формульного речения *Justice!* и делокутива *réclamer justice* состоит в том, что произносящий их субъект знает (осознает), какое именно действие он совершает, например приказ, просьбу, хотя это не всегда эксплицировано. Кроме того, это поведение можно слышать (в ситуации вербального общения) и видеть (в ситуации невербального общения). Интеллектуальные операции не поддаются восприятию со стороны. Про себя можно и читать стихи, и делать вычисления. Узнать, чем занят в настоящий момент ум человека, можно только, спросив об этом. В отличие от физического поведения ментальные операции не даны субъекту еще и в ощущениях. Чтобы установить, какие именно мыслительные операции субъект выполняет, нужно предпринять особое умственное усилие – осознанную рефлексю.

Рассуждение состоит из последовательности мыслительных операций. Проследовать за ними со стороны можно, если субъект сам осознает и потом эксплицирует составляющие его логические шаги.

Субъект мышления идентифицирует мыслительные операции, производя их с содержащимися в его сознании объектами — мыслями (и образами). Ср.: «*Délibération – examen conscient et réfléchi avant de décider s'il faut accomplir ou non un acte conçu comme possible*».

Форма одного и того же ментального имени, например *supposition*, может соответствовать гипотезе (*hypothèse de l'esprit*), верифицирующему (*conjecture de l'esprit qui suppose sans pouvoir affirmer*) или ложному суждению (*substitution frauduleuse, c.-à-d. du faux à l'authentique*).

Однако, несмотря на то, что ментальные действия *faire admission* противостоят социальным *donner ordre*, для них характерна общность прамакоммуникативного назначения –

³ Почти во всех формах и процессах мышления мы находим внутреннюю речь.

передавать интенцию субъекта.

Итак, в работе помимо структур с формульным дериватом – делокутивом в узком смысле – рассмотрению подлежат также и те структуры, именной компонент которых мотивирован акциональным глаголом, выражающим значение проявления преднамеренной активности, к которым относятся глаголы речевого действия и ментально-чувственной сферы деятельности. Ср.: *faire supposition, mériter réflexion*.

Важно отметить, что передаче интенциональности также способствует нулевая детерминация именного компонента.

Положение о побудительных свойствах нулевого артикля, детерминирующего имена номинализации, находит свое подтверждение при исследовании экзистенциальных высказываний, которые содержат в себе указание на говорящего и его интенциональность.

Так, например, в случае репрезентации речевой ситуации высказываниями типа *Il y a but!* *Il y a référence!*, схематично представленными как *il y a ØN*, они синонимичны высказываниям с прагматическим дейктиком *voici*. Такие структуры не описывают внеязыковую действительность, а наоборот, предписывают определенное поведение участников речевой ситуации. Это подтверждается следующим фактом: описательная информация о действительности может уточняться локативным дейктиком *là*. Подобная трансформация приводит к потере первоначального репрезентативного значения. Судья, когда произносит высказывание: «*Il y a violence à la règle!*», прежде всего, намерен наказать нечестных игроков, а не сообщить о нарушении правил в игре. Безартиклевое имя передает суждение говорящего, другими словами, его коммуникативную установку. Следует добавить, что употребление структуры в прошедшем времени приводит к появлению оттенка происшествия. Настоящее время глагола способствует непосредственной связи процесса, обозначенного безартиклевым именем с моментом говорения.

Поскольку модель *il y a ØN* допускает употребление имен формульного характера, становится ясно, что именно они (безартиклевые существительные) являются прототипическим образцом для данного класса высказываний. Мы предполагаем, что делокуционные особенности безартиклевого имени сохраняются в исследуемой структуре.

Таким образом, возникает ситуация, когда способ соотнесения данной именной группы с некоторой моделью действительности в сознании говорящего и адресата определяется не только ее структурными свойствами (наличием в именной группе тех или иных компонентов, таких как предлог принадлежности *de*) и свойствами ближайшего контекста (предупомынутость референта в предшествующем тексте), но и реальными намерениями говорящего.

Итак, в формульных предложениях и производных от них структурах нулевой артикль служит показателем речевой деятельности, при этом само имя способно сохранять свои свойства прагмакоммуникативной единицы.

Специфическое соотнесение структур типа *crier victoire* и *reclamer justice* с конкретной речевой ситуацией подтверждается некоторыми общими для обеих групп (формульных предложений и структур *VØN*) чертами:

а) формулы коммуникативно вынуждаются ситуацией общения, поскольку представляют собой непосредственные реакции на те или иные ситуации общения: *justice!* мотивировано желанием и возможностью реализовать законность с целью оправдания определенного поведения людей. Это же утверждение справедливо и для структуры *VØN* типа *reclamer justice* (переводимой на русский язык как «оправдать», «исправить ошибку»). Она представляет указание на коммуникативную роль судьи, реализуемую только в конкретной ситуации «заступничества», когда коммуникация происходит в одном направлении — от защитника к обвинителю. Аналогичным образом, произнося ***ordre!***, субъект речи выступает в роли руководителя. В такой ситуации общения как бы исключаются любые другие коммуникативные роли, например равноправного (с одинаковыми полномочиями) субъекта речи. Следовательно, семантика структуры *reclamer justice* маркирует не

только коммуникативную интенцию заступиться, но и реализацию прагматической роли «заступника-судьи» субъекта речи, что обеспечивает адекватную интерпретацию ситуации общения. Поэтому употребление *réclamer la justice* допускается в ситуации как реализованного, так и нереализованного заступничества. Ср.: *réclamer la justice – pouvoir de faire régner le droit; exercice de ce pouvoir* (дефиниция из толкового словаря Робера), где *pouvoir* указывает на возможное, но необязательно совершенное действие.

Поэтому мы предполагаем, что в отличие от аналогичных структур с артиклем структуры типа *réclamer justice* описывают сущность намеренного, коммуникативного направленного действия говорящего;

б) употребление речевых формул и делокутивов обуславливается потребностью субъекта речи дать/получить именно коммуникативное предписание, а не описание языковыми знаками определенной коммуникативной ситуации [4]. Ср.: высказывание «Silence!» не сообщает о спокойствии, зафиксированном в экстралингвистической действительности, а только лишь требует тишины. При включении определенного артикля перед *silence* высказывание «*J'impose le silence d'un geste*» информировало бы об обычном, уже существующем порядке вещей (ср.: Я требую обычно внимания, тишины жестом), в то время как неопределенный артикль вводил новый, ранее не существовавший. Нулевой артикль в данной структуре способен зафиксировать виртуальный(потенциальный, предполагаемый) коммуникативный характер события. Любое предписание вне речевого контакта не гарантирует, что указание изменить окружающую действительность будет выполнено в точности, как того требует субъект речи, а только предполагает: приказ, просьба требуют прототипической ситуации общения.

Э. Бенвенист изучает только глагольные делокутивы, не указывая на возможное существование таких единиц среди других частей речи. Таким образом, вполне логично расширить рамки, установленные Э. Бенвенистом для понятия делокутива.

Мы предполагаем, что исследуемые прагмасинтаксические структуры *VØN* типа *donner ordre* также выполняют функцию делокутива (поскольку в них содержится указание на определенную речевую ситуацию) и **реферируют деятельность говорящего субъекта**⁴.

Таким образом, дейктичность именного компонента как делокутива – отсылка к коммуникативной ситуации – раскрывается не только на примере формульных речений, но и в структурах *VØN* типа *réclamer justice, demander pardon, intimer silence* и т. д.

Прагмакоммуникативная целостность структуры *reclamer justice* заключается в ее соотнесении с простым глаголом *justifier*, обозначающим речевую деятельность, т. е. *verbe à activité de parole (VAP)*. При этом семантика каждого из компонентов отражает наличие коммуникативной семы. Родство именного компонента с глаголом *VAP* не вызывает сомнения. Например, (*jurer*) *obeissance – obeir, (demander) communication – communiquer, demander grace – gracier, (demande) obligeance – obliger, interjeter appel – appeler*. При таком подходе к определению структурной специфики очевидно, что именной компонент представляет собой абстрактное существительное и в терминах деривационной грамматики является результатом номинализации процесса. Однако при соотнесении с глаголом структур *faire mission, faire silence, payer tribut* возникает семантическая лакуна. В этом случае речь идет о так называемых псевдономинализациях, использующих в качестве деривационной базы именно особое формульное речение.

Следует заметить, что имя в изучаемых структурах не всегда прямо соотносится с формульным речением, т. е. им мотивировано. Ср.: **Défaut!*

Вместе с тем соотнесение структуры с простым глаголом указывает на то, что в рам-

⁴ Обозначается в лингвистике понятием «локутор» (субъект речевого акта, отправитель сообщения, Говорящий, пишущий) и определяется как главный участник речевой ситуации, отвечающий за построение и реализацию высказывания.

ках одной ситуации общения реализуется *единый речевой акт*. Именно поэтому у нас есть основание полагать, что высказывание типа **Il a bissé trois fois** предполагает только один единственный акт говорения.

Действительно, независимо от того, сколько раз произносит зритель: «Bis!», его коммуникативное намерение одно – пригласить вновь актера на сцену и высказать ему свое удовлетворение. С другой стороны, **Il a bissé trois fois** не уточняет, сколько именно раз он произнес: «Bis!», и кроме того, зритель мог выполнить данную коммуникативную установку произнесением другого высказывания, например «Encore!». Поэтому существительному с нулевым артиклем могут соответствовать сколь угодно разные производящие.

Слова, реально произнесенные субъектом речи, не копируются высказыванием свидетеля. Это подтверждается невозможностью включить в структуру наречие типа *exactly*. В то время как прямая речь передает в точности высказывание субъекта говорения. При этом отсутствует указание на коммуникативную установку.

«Quels mots a prononcés Max?»

Il a dit très exactement: «Tu as raison».

Высказывание произнесено с одной целью – повторить слова другого.

*Il a porté très exactement confirmation (пример заимствован у Ж.-Кл. Анскомбра).

Таким образом, структура характеризуется *одноактностью*.

Указанная выше особенность объясняет тот факт, почему структуры не употребляются с местоимением *un(-e) autre*, но допускают включение *le même*. Если учитывать, что итеративность – это повтор одного действия (*faire de nouveau, faire plusieurs fois (une action)*), то оказывается, что семантика анафорического прилагательного не соответствует данной характеристике. Ср.: *L'autre – qui n'est pas le même, qui est distinct (cf. Allo-, hétéro-)*. *Ce qui n'est pas le sujet, ce qui n'est pas moi, nous*. В то время как *le même* предполагает одновременность, полное тождество, идентичность. Вместе с тем понятие *итеративности* подразумевает совокупность накопленных знаний об одном и том же повторяющемся речевом событии, иными словами количественные сведения (кратность) не влияют на качество, т. е. они не изменяют сущности коммуникативной установки.

Таким образом, структура $V\emptyset N$ квалифицируется как *прагматическая* единица, первичная по отношению к интенции субъекта речи и вторичная по отношению к обозначению реальной действительности.

Структура $V\emptyset N$ имеет в своей основе делокутивный компонент $\emptyset N$; необходимым условием целевого создания такой структуры является употребление глагольного компонента в форме первого лица единственного числа настоящего времени — сказуемое $V\emptyset N$ реализует интеракционный аспект ее прагматического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brunot F. Histoire de langue française. Paris, 1905. Т. II.
2. Saussure F. Cours de linguistique générale. 3-ème éd. Paris, 1969.
3. Jacob A. Temps et langage. Essai sur les structures du sujet parlant. Armand Colin, 1992.
4. Anscombe J.-Cl. De l'énonciation au lexique: mention, citativité, délocutivité // Langage. № 80. P. 9–34.
5. Benveniste E. Les verbes délocutifs // Problèmes de linguistique générale. Т. 1. Paris: Gallimard, 1966.
6. Sériot P. Le sujet de l'énonciation dans la linguistique soviétique actuelle. Sur la réception de l'œuvre de Benveniste en U.R.S.S. // Révue des Etudes slaves. № LXII/1-2, 1990. P. 395–401.